

Яблоки от яблоньки (продолжение следует...)

Письмо из Москвы от Андрея Григорьева заставило снова взяться за перо. Я поняла, что мы с Дмитрием Ивановичем Левашовым были не правы, когда заявляли, что прямых продолжателей рода Ивана Варфоломеевича Куховаренко, крупного землевладельца и первого Головы города Покровска в 1916-1917 годы, не осталось. Правда, его внук по материнской линии Д.И. Левашов писал, что вроде бы у его дяди Александра Ивановича был внебрачный сын, но даже точной даты его рождения он не знал.

Оказалось, что фамилия родного сына Александра Ивановича и внука Ивана Варфоломеевича Куховаренко – Григорьев. Зовут его Андрей. И отчество от отца – Александрович. И то, что он родной, правда внебрачный, сын и внук именитого деда, сомнений теперь не вызывает.

И именно с его позволения и благодаря его воспоминаниям, переданным мне документам, фотографиям, представилась возможность снова прикоснуться к этому удивительному роду. Письма отца к сыну, к его матери позволили больше узнать о судьбе многих членов семьи, об их отношениях друг к другу, о переживаниях, трудностях жизни «бывших» в советский период, о необходимости скрывать своё прошлое. И, пожалуй, самое главное, вернее, новое узнать, что сыновья Ивана Варфоломеевича Михаил, Юрий и Александр, получив высшее сельскохозяйственное образование, занимались в советский период не только практической работой, но и научной, в области сельского хозяйства.

Имела высшее сельскохозяйственное образование и сестра Антонина Ивановна. Она в 1930 году окончила Донской сельскохозяйственный институт. И хотя не имела научных работ, все годы работала в Краснодарском институте масличных культур на ответственных должностях агронома-плановика, старшего агронома вплоть до ухода из жизни 29 июля 1959 года.

А предыстория такова. Младший сын Андрея Александровича Григорьева Василий, 2003 года рождения, будучи студентом первого курса технического вуза (бывший МЭИ), заинтересовался историей своего рода. В интернете нашёл статью Елизаветы Ериной «Яблоки от яблоньки недалеко падают», ранее опубликованную в Новой

газете (город Энгельс). Старший сын, Николай, 1992 года рождения, историк, который работал учителем истории и обществоведения в одной из московских школ, увидел одну из моих публикаций, где была указана электронная почта автора. И Андрей Александрович обратился ко мне с письмом.

И так, начнём с того, что Андрей Александрович Григорьев родился не в 1960 году, как писал Д.И. Левашов, а 2 марта 1957 года в городе Москва. Он окончил факультет психологии МГУ в 1979 году. Защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации в области психолингвистики, которая отнесена к разделу филологии.

И поныне работает ведущим научным сотрудником в институте психологии РАН.

Его мама, Наталья Борисовна Григорьева, тоже наша землячка. Она родилась в городе Саратове в 1918 году (1918-2003). Отец её, Борис Прокопьевич Григорьев, был председателем уездной земской управы. Мама, Екатерина Яковлевна Гескина (1887-1968), из Екатеринославской губернии, окончила в Киеве школу фельдшерниц, приняв православие, переехала в Саратов, где встретила с Борисом Прокопьевичем. Он в то время не смог оформить брак, так как был женат на немке Амалии Карловне, хотя фактически с ней уже давно не жил.

Екатерина Яковлевна окончила в Саратове в 1911 году гимназию, а затем и сельскохозяйственный институт и до самой пенсии занималась вопросами селекции. Внук хранит её статью о сорняках, распространённых в Саратовской губернии в 1920-е годы. В семье родилось три дочери, но две умерли в 1919 году. Выжила только будущая мама Андрея, Наталья.

Когда новая власть начала битву против «бывших», Борису Прокопьевичу, как и членам семьи Куховаренко, необходимо было срочно выехать в другие регионы. Григорьев покинул Саратов и обосновался в Москве, что его спасло от ареста. Позднее он вызвал к себе и жену с дочерью. Дочь, Наталья Борисовна, окончила юридический факультет МГУ, после чего работала юрисконсультантом и арбитром в системе Министерства сельского хозяйства СССР.

Её судьбоносная встреча с Александром Ивановичем Куховаренко состоялась в то время, когда они оба работали в Министерстве совхозов СССР.

От этой встречи и родился мальчик, который получил имя Андрей, а отчество своего отца – Александра Ивановича. Мы, как и

сын, не знаем истинной причины, почему Александр Иванович, пожив определённое, но недолгое время в новой семье, возвратился к законной жене, почему не рассказал о его существовании ни жене, Альперович Иде Григорьевне, ни родным братьям, сестрам и племянникам, с которыми он был так близок.

Об этом история умалчивает. Тому, видимо, были свои причины: возможно, не сложились семейные отношения с этой женщиной, у которой был непростой характер, возможно, не смог оставить жену, которую действительно любил, да и спасала она его неоднократно от репрессий советской власти. Сын Александра Ивановича Андрей считает, что отец не хотел нанести этим сообщением рану женщине, которая так много для него сделала в жизни

Не знает он, по какой причине уже после смерти бабушки Екатерины Яковлевны, занимавшейся его воспитанием, ему в двенадцатилетнем возрасте было выдано новое свидетельство о рождении, в котором Александр Иванович был записан уже как его отец.

Александр Иванович рассказывал сыну, что его арестовывали неоднократно, первый раз в начале 30-х годов.

Вот как описывал он один из таких арестов: «В тридцатые годы прошлого века был такой селекционер Василий Степанович Пустовойт. Он работал над выведением сорта подсолнечника, устойчивого к болезни, называемой «заразиха», от которой страдали его посевы. Учёный вывел сорт, который дал на его землях хорошие результаты, но когда эти семена вывезли и высадили в других регионах, там он оказался ещё более подвержен заболеванию. Оказалось, что у этой болезни было несколько рас. А его сорт был устойчив только в своём регионе».

И тогда были арестованы все, кто имел отношение к работе по выведению именно этого сорта. А поскольку Александр Иванович был в их числе, его тоже арестовали и продержали полгода в одиночке, но он мужественно не подписал «признание», его выпустили, а остальные, кто не выдержал методов дознания и принёс покаяние, были осуждены на 10 лет».

Андрей писал мне об этом эпизоде: «У «органов» в то время был один рефлекс – вредительство».

Причём, взяли А. Куховаренко, как оказалось, по наговору. Как-то, будучи в компании двух своих братьев, одного близкого

друга и знакомого, бывшего белогвардейского офицера Попова, один из братьев рассказал, что в Москве арестованы Пустовойт и ещё такие-то товарищи. Во время допроса Куховаренко и спросили, зачем он был в компании, где велись антисоветские разговоры. Мы, дескать, всё знаем, от нас ничего не утаишь. И Александр Иванович подумал, что выдал его самый верный и самый близкий друг. Впоследствии выяснилось, что предателем оказался Попов. Чтобы избежать расстрела, он выдал всю компанию. Так Александр Иванович потерял настоящего друга, не мог он даже помыслить, что белогвардейский офицер оказался предателем. Отец сказал сыну: «Стукачом всегда окажется тот, на кого ты подумаешь в самую последнюю очередь».

Рассказывал отец сыну и о событиях 1937 года, которые уже после смерти отца дополнила его жена Ида Григорьевна Альперович. В это время Александр Иванович поехал в Таганрог навестить родственников. И одна из сестёр прислала ему из Краснодара телеграмму открытым текстом: «Не возвращайся. Всех забирают». Родственники собрались на совет. Только одна из них советовала пойти самому в НКВД, за тобой, мол, ничего нет. Другие посоветовали ей замолчать, а ему – ехать в Москву.

Отец говорил, что в стране в этот год творилось что-то невообразимое, была полная неразбериха. Хватали всех подряд, из-за боязни, люди выдавали, наговаривали друг на друга. Но достаточно было уехать, скрыться, этого человека уже никто не искал. По дороге в Москву отец пересаживался с поезда на поезд, заматывая следы. На одном из вокзалов услышал, как шептались двое мужчин. Один другому рассказывал, кого уже посадили. Второй его спросил, а этого-то за что? Ответ поразил; «Как за что, ведь он был секретарём райкома».

А Ида Григорьевна буквально дополнила эти воспоминания отца. Она рассказала Андрею, почему родственники посоветовали ему ехать именно в Москву. Там, в больнице работал его знакомый по Саратову врач С.И. Спасокукоцкий. Возможно, брат Виктор Иванович, врач, работал именно у него.

Когда отец приехал к нему, он удивился: «А Вы тут причём? Они вроде друг с другом сейчас грызутся». Но Александра Ивановича всё же положил в стационар и держал, пока волна арестов не пошла на убыль. Здесь, именно в этой больнице, отец и

познакомился с врачом, своей будущей женой, которая затем его спасала от ареста не однажды.

Начнём с воспоминаний сына о своём отце. Мальчик с детства знал, кто его отец и никогда не порывал с ним связи. Отец покупал ему велосипед, костюм, другие вещи. Сын знал, что именно он уговорил маму получить дачный участок от Министерства совхозов. Приезжал к ним на дачу. Вместе с мамой сажал деревья, помогал в уходе за ними. Более того, он сделал подробный план их сада. Когда Андрею было лет семь, отец приехал не один, с друзьями. Помнит, как вместе они собирали урожай яблок. Отец брал на руки сына, поднимал его высоко, и он срывал яблоки.

Мама всегда хорошо относилась к отцу. Рассказывала сыну, что отец за свою жизнь посадил немало яблоневых деревьев, и, наверное, делал это, вспоминая их сад, своего деда и отца, где был огромный яблоневый сад. Она считала, что отсюда его трепетная любовь именно к яблоням.

У Александра Ивановича и его супруги Иды Григорьевны дача была в подмосковном Болшево. Он постоянно, будучи в Москве, старался именно там проводить время с женой, но сына туда не брал.

Только в последние годы, когда жена Ида Григорьевна лежала в больнице, он привозил сына на свою дачу.

Иногда отец брал его с собой к общим знакомым, не называя, кем ему приходится этот мальчик. Когда мальчик стал старше, сам мог встречаться с отцом, но только в назначенном месте.

Отец часто рассказывал ему о себе, о своей жизни, о родных. И Андрей попросил его оставить мемуары о своём роде, но не знал, что он уже начал работать над воспоминаниями, к сожалению, он так и не дописал их.

Именно эти Воспоминания и позволили мне, во многом, написать первые статьи о роде Куховаренко.

В них я только упоминала имя родного брата Татьяны Егоровны, жены И.В.Куховаренко, Тимофея. Писала, что они, брат и сестра, были необыкновенно красивы, спортивны и пели превосходно.

Сыну Андрею он более подробно поведал о своём любимом дяде Тиме – Тимофее, и его сыне Викторе, дружба этих братьев не прекращалась до ухода их из жизни. Жил Виктор в Киеве. Отец практически ежегодно ездил к нему, был к нему очень привязан.

Виктор Тимофеевич тоже приезжал к брату на дачу Иды Григорьевны в Болшево. Там они вместе возвели что-то в виде водонапорной башни, где Виктор проявил чудеса инженерной мысли при её подъёме на огромную высоту. Отец был восхищён его изобретательскими способностями.

.В октябре 1974 года братья вместе отдыхали в Адлере у приятелей Виктора, переехавших с Колымы.

В 1977 году Александр с Виктором на машине, за рулём сменяя друг друга, предприняли путешествие из Киева в Саратов, в город Энгельс. В это время одному было 76, а другому 72 года. Они навестили дом отца (ул. Театральная, 9), поговорили с людьми, которые там в это время проживали (жили там три семьи). Сделали фотографии на память. Ушёл из жизни Виктор в (1987 году).

Я уже говорила, несмотря на то, что родители Андрея Григорьева не жили вместе, не только сын общался с отцом. Мама Андрея оставалась с ним в хороших, родственных отношениях. К тому же они и работали вместе. Когда же он вышел на пенсию, мама сына, по необходимости, связывалась с ним через общую знакомую, которая входила в круг его семьи.

Когда Александр Иванович был на лечении в санаториях или у родных сестёр в Краснодаре, у Виктора в Киеве, постоянно писал ей письма. Естественно, в каждом письме отец, прежде всего, интересовался жизнью сына, его успехами, а зачастую и неудачами в его учёбе. Радовало отца, что мальчик много читает. Просил маму и бабушку не баловать мальчишку, понимать, что растят мужчину, который сам должен заботиться о женщинах. Радовался, когда сын нашёл своё призвание. Не оставался в стороне впоследствии и от семейной жизни Андрея.

И в письмах к ним очень подробно рассказывал о своих родных, о жизни в Краснодаре своих сестёр и их проблемах.

После каждого приезда к сёстрам, высылал в Москву или привозил с собой посылки с фруктами, пастилой, вишнёвым вареньем, всеми плодами и яствами, выращенными и приготовленными Раисой Ивановной, вплоть до вина.

Раиса Ивановна, хотя и окончила только Покровскую гимназию, работала экономистом-статистом в Краснодарском краевом Управлении Народнохозяйственного учёта до самой пенсии, пользовалась как специалист, уважением в коллективе.

Александр Иванович, выйдя на пенсию по возрасту, как выяснилось из писем, недолго был без работы, настолько его ценили в Министерстве совхозов СССР.

В дальнейшем, сыграло роль и его участие в дискуссии, состоявшейся в Литературной газете о судьбах российского крестьянства.

Когда же отец попал в больницу, сын навещал его, общался с ним по телефону. В последний раз говорил с ним за несколько дней до его смерти. Андрей Иванович был бодр. Они обсуждали «план строительства фундамента (дома) на садовом дачном участке». Насколько Андрей помнит из рассказов мамы, домик на даче ставили рабочие под руководством родственника отца Ивана Ивановича. Возможно, его двоюродного брата, о котором я ранее писала, Он в тридцатые годы прошлого века выехал из Покровска, и его дальнейшая судьба мне была неизвестна.

Строители под руководством Ивана Ивановича Куховаренко поставили домик на столбы, заглубив их лишь до уровня промерзания, и в сильные морозы зимы 1878 и 1879 годов дом «поплыл». Как узнал позднее Андрей, Иван Иванович предупредил маму, что столбы эти он поставил на время, впоследствии их надо будет углубить ниже уровня промерзания почвы. Потому отец с сыном и обсуждали, как решить проблему с фундаментом домика на дачном участке.

Постоянно отец покупал всё необходимое из стройматериалов, отвозил на их дачу, и вместе с Натальей они проводили ремонтные работы, сажали новые плодовые деревья и осуществляли уход за ними. А вот проблему с фундаментом на даче Андрей решил уже самостоятельно в 2006-2007 годах.

Во время последнего разговора по телефону с сыном, отец был настроен оптимистически, надеялся на скорую встречу. Не случилось. Сын в это время жил уже самостоятельно и узнал о смерти отца от матери только через два дня.

После смерти отца он долго сомневался, найти ли ему вдову – Иду Григорьевну. И до сих пор считает, что, возможно, не надо было наносить ей такую рану. Но решился. Через адресный стол узнал адрес отца. И благодаря этому сын, и мы с вами, мои дорогие читатели, получили новые свидетельства о детях и внуках Ивана Варфоломеевича Куховаренко.

Вдова, несмотря на сомнения Андрея, задав ему несколько наводящих вопросов, на которые он ответил так, что у неё не осталось никаких возражений, приняла внебрачного сына своего мужа очень хорошо. Она познакомила его с Натальей Михайловной, дочерью старшего из сыновей Ивана Варфоломеевича – Михаила Ивановича Куховаренко.

У него было трое детей: Николай, Татьяна и Наталья. К этому времени в живых оставалась одна Наталья. Андрей, несмотря на разницу в возрасте, подружился с ней, хотя она была намного старше. Ещё во время войны Наталья была военным врачом, а затем до самой пенсии работала невропатологом в военкомате.

Это её отец построил трёхкомнатный дом в посёлке Сокол, о котором я уже писала, со слов Дмитрия Ивановича Левашова. Её отца арестовали в тридцатые годы во время его работы в Народном комиссариате земледелия СССР по ложному доносу. А ведь в это время Михаил Иванович имел уже ряд научных работ не только опубликованных в Крестьянской газете, но и переведённых на немецкий язык: «Озимая рожь» под редакцией Субботина с подзаголовком (к осеннему севу) и «Возделывание яровой пшеницы для степных и лесостепных районов Союза» под редакцией Н.К. Борисова, с подзаголовком (к весеннему севу).

Арестовали М.И. Куховаренко, осудили и отправили на строительство канала Москва – Волга, затем Михаил Иванович находился на поселении в Киргизии. Только в 1943 году ему позволили возвратиться, но без права проживания в Москве, работал агрономом в колхозе около Солнечногорска до полной реабилитации.

Братья постоянно общались. Мы не знаем точно года, когда Михаил Иванович ушёл из жизни, но 13 октября 1966 года Александр Иванович снабжал и его фруктами от их сестры Раисы Ивановны из Краснодара.

Когда же отец умер, и Наталья осталась одна, к ним в дом стали подселять «не очень приятных людей». На момент знакомства Андрея с Натальей, там жил какой-то Иван, алкоголик, постоянно попадавший в ЛТП. Наталья договорилась с его родственниками, что найдёт людей, которые поселятся к ней, а он перейдёт в их квартиру. И даже предложила такой вариант Андрею. Андрей не решился. И сейчас считает, что правильно сделал, он не смог бы содержать этот дом в лихие 1990-е годы. Она нашла нормальную семью. Но вскоре

Наталья Михайловна ушла из жизни. Детей, к сожалению ни у неё, ни у брата и сестры не было.

Ида Григорьевна и Наталья Михайловна передали Андрею Александровичу немало семейных фотографий.

И, среди переданных вдовой материалов, копию которого прислал мне Андрей Александрович, оказалась работа Моисея Каганова «Из воспоминаний. Я был знаком со Станиславом Лемом». Автор закончил воспоминания уже в 2006 году в эмиграции в Бальмонте, в Америке.

В них моего героя, Александра Ивановича Куховаренко, касается только примечание. Его я позволю себе привести полностью:

«У меня было много родственников, а у Элочки (жены автора) мало. Среди них почётное место занимала Ида Григорьевна Альтшулер (видимо автор очерка запомнил настоящую фамилию родственницы жены - Альперович), врач-хирург.

Её мужем был Александр Иванович Куховаренко, видный агроном, сотрудник Министерства совхозов.

Наши любительские либеральные разглагольствования бледнели в сравнении с его аргументированными, убийственными характеристиками советской системы.

История их брака сугубо советская. В 30-х годах, понимая, что Александру Ивановичу грозит неминуемый арест, Ида Григорьевна держала его в больнице. Помогло.

Ида Григорьевна и Александр Иванович жили в типичной московской квартире на Пушкинской улице рядом со Столыпинским переулком. Естественно, квартира была коммунальной, но их единственная комната была большой. Стол в ней помещался. Мечтали об изолированной квартире. Получили уютную двухкомнатную квартиру, но стол в неё не влезал. Вот этот стол и перекочевал на дачу Харитоновы в Жуковку...».

Видимо, Александр Иванович знал, где и в присутствии кого можно высказать свое мнение о советской власти, имея в виду её отношение к тем, кто, как и его родные, до революции делали всё для процветания своего региона, страны, но пострадали от неё после 1917 года.

В оставленных неоконченных своих Воспоминаниях Александр Иванович в 1983 году писал, что даже сейчас рассказывать правду о происходивших событиях, небезопасно. Потому, как я уже

упоминала, в анкетах при приёме на работу, он писал, что происходил из семьи мелкого землевладельца.

Являясь единственной опорой сестер, о чём поведали нам его письма к матери Андрея, он не мог позволить себе не работать на советскую власть, да и вообще как специалист в области сельского хозяйства не мог не работать. И сделал немало, как мы увидим, полезного на своём поприще, за что получил заслуженное признание.

В Российской Государственной Библиотеке сохранились сведения о научных статьях его и братьев, Михаила и Юрия Куховаренко.

Хотелось бы отметить, что только Юрий Иванович Куховаренко успел опубликовать свою работу на своей малой родине: «Ю. Куховаренко, Н. Бархатов «Семенная работа сельскохозяйственной кооперации в Немреспублике*. Покровск на Волге. Семплеосоюз. 1926. 32 стр. с таблицами». После 1926 года, спасаясь от репрессий, агроном выехал с семьёй в Казань, где и окончил свой жизненный путь.

Прославил семью и сын Юрия Ивановича, Олег Юрьевич, кинооператор Ленфильма, главный оператор фильмов «Родная кровь», «Иду на грозу», «Прощание с Петербургом»,

Отец Андрея, Александр Иванович гордился своим племянником, хранил газету «Неделя» 1966 или 1967 года, Андрей точно не помнит, где была статья о Ленфильме, а в ней упоминание «о замечательном кинооператоре Куховаренко.

Первые работы самого Александра Ивановича Куховаренко относятся к периоду его работы в Ростове на Дону. В 1929 году Библиотека Северокавказского хлебороба в отделе применение сельскохозяйственных достижений Северокавказского краевого земельного управления опубликовала его работу «Лучшие сорта северокавказских хлебов».

В 1935 году Северокавказское издательство опубликовало его статью «Сеять отборными семенами».

Хранится в Российской Государственной Библиотеке и ещё одна его работа «За сверххранний сев», где, к сожалению, автор указан как А.И. Суховаренко.

Естественно, у многих читателей возникнет вопрос, как всё же ему удалось избежать репрессий, сыну такого известного землевладельца?

Чтобы ответить на этот вопрос, снова обращусь к своей статье «Яблоки от яблоньки недалеко падают». В 1919 году Александр окончил в Покровске школу 2-ой ступени и ушёл служить в Красную Армию. В 1921 году его направили на агрономический факультет Саратовского государственного университета, в 1925 он окончил учёбу, а в 1928 с родными срочно выехал из Покровска.

Главная причина состояла в том, что в Покровске, как и в Малом Узене, стало известно – крупный землевладелец Широков, это и есть вторая фамилия Куховаренко, репрессий в Покровске им было бы не избежать. Вот они срочно покинули Покровск и разъехались в разные стороны, при этом, не теряя друг друга из вида.

Работал Александр Иванович в Пятигорске главным агрономом Северокавказского краевого земельного управления. И повторяю, что при заполнении анкетных данных, выручала его придумка, из какой небогатой семьи он происходил.

Но поселившийся в его душе постоянный страх от внезапного разоблачения определил закрытость его характера, да и, видимо, отношения его с сыном. И не в этом ли причина, что при выдаче нового свидетельства о рождении Андрея, он оставил ему фамилию матери, оградив от проблем в будущем. Но это мои мысли, мои догадки, не более того.

О том, как попал Александр Иванович в Москву, я уже рассказала выше. С 1938 по 1941 годы он работал старшим агрономом Главного Управления молочных совхозов Востока Народного комиссариата совхозов СССР (так в Анкете).

В годы войны его снова спасла жена. С осени 1941 года, она, хирург, военврач, служила начальником медицинской части прифронтового санитарного поезда Западного фронта. Муж здесь же проходил службу. В январе 1942 года Александр Иванович был зачислен в Переселенческое управление при Совнарком СССР, которое занималось спасением, обустройством ленинградцев на новых местах.

Всё это и дало ему возможность получить в 1946 году – Медаль за победу над Германией в Великой Отечественной войне в 1941-1945 годы. Сохранилось в семье и удостоверение о награждении А.И. Куховаренко медалью «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг».

С 1948 года по 10 июля 1962 года, до его официального выхода на пенсию, А.И. Куховаренко работал то главным агрономом, то

инспектором, начальником планового отдела ветеринарной, и других служб различных Управлений, ведомств, подчинённых Министерству сельского хозяйства СССР. Получил звание «Отличник лесной промышленности СССР».

Последнее место работы – Главная инспекция по животноводству Министерства сельского хозяйства СССР – главный агроном по кормам и кормоиспользованию.

Но мне показалось, что не перечисление должностей и научные работы должны показать нам значимость такого специалиста. Впечатлили награды, пусть и не все они сохранились, которых был удостоен наш герой за первые же годы его бескорыстного труда для развития сельского хозяйства страны на целине.

В 1955 году ему была вручена Юбилейная медаль в ознаменование 100-летия со дня рождения Мичурина,

30 апреля 1958 года он удостоился медали «За освоение целинных земель». Интересно отметить, что медаль ему была вручена от имени Президиума Верховного Совета СССР Председателем Президиума Верховного Совета Казахской ССР, из его писем в дальнейшем, мне и стало известно, причём здесь Казахстан.

Но более всего впечатлила меня Большая серебряная медаль за успехи в социалистическом сельском хозяйстве, вручённая ему на основании Постановления Главного комитета Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 13 мая 1958 года. Мне сразу же вспомнились разного достоинства медали, полученные его отцом по итогам участия в Новоузенских уездных сельскохозяйственных выставках. Вот уж воистину – яблоко от яблони недалеко падает.

Несмотря на то, что в тот период после выхода на пенсионное обеспечение граждане не работали, Александр Иванович был снова привлечён к трудовой деятельности.

Из переписки с матерью Андрея, сохранившейся с 23 сентября 1963 года, стало понятно, что ему долго не пришлось отдыхать после выхода на пенсионное обеспечение.

Только дважды успел подлечить в санаториях своё больное сердце. Да вместе с братом Виктором в Киеве восстановить в 1964 году свою машину, которая порядком поизносилась и требовала большого ремонта. Он писал родным, что фактически в машине не осталось ни одного агрегата, ни одного узла, не нуждающегося в капитальном и восстановительном ремонте. Мало того, что денег

пришлось израсходовать уйму, так при этом и трудиться пришлось, себя не жалея, по 12-15 часов в сутки, а поскольку питание было скудное, масло исчезло из продажи, а хлеб и вовсе неважного качества, Александр Иванович пишет, что изрядно похудел.

Но в целом, он был доволен, видимо купить новую машину он был не в состоянии, так как постоянно помогал материально сёстрам и всем своим родным, не исключая при этом, сына. Андрей мне писал, что траты на него, сына, отцу нужно было делать так, чтобы о них не узнала жена.

Думаю, приглашению на работу он был рад. Тем более. что с приходом А.Н Косыгина в Совет Министров, вся страна возлагала на него большие надежды.

Уже в четвёртом письме, поздравляя семью сына 20 декабря 1965 года с началом нового года, пишет: «Я здоров, чувствую себя, в общем, сносно. Дела идут удовлетворительно, но тяжеловато. Объясняется это двумя причинами. Во-первых, задание конечно серьёзное, поскольку оно исходило от председателя Совмина Косыгина. Во-вторых, Гончаренко (его непосредственный начальник), впервые после немилости получил такое вот задание, и он хочет расшибиться в лепёшку и сделать всё возможное и невозможное».

И далее продолжает: «Мне поначалу повезло. Назначили меня в Караганду, Область мало значащую, и притом не руководителем. Потом Гончаренко убедился, что партбилет – ещё не всё. И что на основной области дело будет завалено, и меня буквально высадили из самолёта и переадресовали в Целиноград, где я и буду со своей капеллой встречать Новый год в качестве руководителя. Числа 4-5 мы должны закончить работу и лететь готовить материал для доклада тутошнему правительству, и уже – 12-13-го – в Москву».

Далее, в письме, поинтересовавшись отдыхом сына Андрея и его матери, он снова переходит к своим рабочим моментам, которые мне показались особенно интересными: «В отличие от моих первых поездок на целину, положение здесь со снабжением значительно изменилось к лучшему, и в совхозах можно почти всё купить.

Люди здесь стали жить зажиточно и сытно, но их по прежнему, не достаёт и текучесть (кадров) пока всё та же. Результаты хозяйственной деятельности из-за засухи крайне плохие, убытков будет свыше миллиарда рублей и, естественно, возник вопрос, что делать с целиной? На этот вопрос мы и должны дать чёткий и

исчерпывающий ответ. Люди, от рядового до первого секретаря что-то делают, принимают какие-то меры, но главной беды не понимают и дело не улучшают. Я, конечно, внесу ясность. И сам Гончаренко это понимает».

Далее он пишет не совсем разборчиво, но смысл такой, что он проявит инициативу, если, видимо, ему дадут такую возможность.

И в следующие 1966 и 1967 годы Александр Иванович продолжал работать, несмотря на ухудшавшееся с каждым годом здоровье. Об этом нам повествуют его письма из санаториев городов Сочи и Кисловодска, в которых он рассказывает о своём здоровье и отдыхе, и сообщает о том, как живут эти города, в каком состоянии находятся санатории. Как истинный крестьянин, не перестаёт интересоваться ценами на рынках, видами на будущий урожай.

Его также волнует, будет ли осуществлён обещанный переход в октябре 1967 года на пятидневку и он советует с 1 января 1968 года Наташе, маме сына Андрея, обязательно перейти на неё.

Сообщает, что на отдыхе ходит, в основном, в кино, что там идут зачастую только иностранные фильмы, а на концерт Райкина, хотя их будет десять, билетов не достать. Снова пишет, что заедет к сёстрам, чтобы привезти домой родным всё, что приготовит Раиса Ивановна.

11 марта 1969 года Александр Иванович находился на лечении в Кисловодске.

Он пишет, что санаторий шикарный, полы паркетные, лифты, мрамор и прочее, Врачи – «анкетные», но вот вода, кроме нарзана, бывает только утром и вечером, и питание – посредственное. Богатейший лечебный корпус почему-то законсервирован.

Александр Иванович решил разобраться и в этой проблеме. Оказалось, что желание строить гиганты, разумеется, «на глиняных ногах», привели санаторий в такое состояние. Этот санаторий слили со знаменитым санаторием «Чайка» Наркомтяжпрома и передали в ведение ВЦСПС, вот он и «покатился вниз», – сделал вывод Куховаренко. Истинный хозяйственник, ему до всего в стране было дело.

В 1970 году Александр Иванович снова был направлен на выполнение, как он пишет, особого задания. Нам теперь уже стало понятно, что случилось это после участия его в дискуссии в

Литературной газете о том, как жить крестьянам и обсуждении этого вопроса в Правительстве, на которое агроном был приглашён.

Без каких-либо подробностей, он только сообщает Наталье и Андрею, что работы оказалось так много, и она оказалась такой сложной, что у него не оставалось и минуты, чтобы заняться личными вопросами. А это задание он должен выполнить безукоризненно по ряду соображений, о которых пообещал Наталье рассказать лично по возвращении в Москву.

Как далее развивались события по «выполнению» этого важного задания, опишу несколько позднее.

В октябре 1974 года Александр Иванович снова отдыхал, теперь уже в Адлере, находясь на «полном пансионе» у друзей Виктора с Колымы. Виктор тоже некоторое время был вместе с ним.

Адлер ему понравился, ему показалось, что он из-за аэропорта стал центром Черноморского побережья. Аэропорт по интенсивности движения стал вторым в СССР. Через каждые две-три минуты, – пишет он, – вылетают и прилетают огромные самолёты типа Боинг, и кроме того, десятки поездов. Поэтому город так разросся, что скоро будет затмевать Сочи по многим показателям.

Далее в письмах он описывает, как 5 октября 1974 года Раиса Ивановна сломала левую ключицу и пришибла пальцы на правой руке, сколько было проблем, чтобы отправить её в Москву на операцию, так как не с кем было оставить больную сестру Марию Ивановну (слепую и психически больную, временами, буйную),

В 1975 года у Александра Ивановича здоровье ухудшилось, да и поехал он снова в Адлер в декабре, в самое неудачное по погоде время года. Не порадовала его и совершённая им поездка в Сочи. Ему показалось, что город мало изменился, лишь санаториев стало больше.

Зато понравилась Хоста и в целом Черноморское побережье. Масса новых санаториев и пансионатов, но и здесь, когда он побывал в одном из пансионатов, где проживала его знакомая, неприятно поразило, что там одновременно отдыхало четыре тысячи человек, две тысячи из которых одновременно садились за стол.

Хуже, чем в метро, – заметил он, – оказывается всё можно довести до абсурда.

Письмо от марта 1976 года дало ответ на многие, интересующие меня вопросы. После санатория, Александр Иванович выехал к Раисе Ивановне в Краснодар, чтобы перевезти сестёр на квартиру, так как

их домик и участок попали под снос в связи с застройкой. Как интересно он описывает этот переезд, как сестры не хотели расставаться с нажитым скарбом, как тяжело было найти машину и людей, чтобы перевезти и поднять в квартиру пианино. Сама же квартира ему очень понравилась. На удивление, она была довольно просторная, полы отциклёваны и покрыты лаком. Он отметил, что они блестят не хуже чем в Доме Советов в Москве.

Обо всём этом Александр Иванович рассказал Наталье. И сообщил, что задержится недели на две, чтобы купить шифоньер, кухонные шкафчики, тумбочку для телевизора и ещё какие-то необходимые сестрам в быту мелочи.

Далее он пишет: «Идем мы с Раечкой по базару, и слышим разговор двух старушенций, а Полянский наш накрылся... Неизвестно, как будет светить новый месяц. Как бы не получилось так, – как говорил один цыган, – «мисяц, мисяц, шо ты светеш, а не гриешь?»».

Дело в том, что Полянского, Министра сельского хозяйства СССР, сменил на какое-то время Министр по фамилии Месяц, отсюда в народе и родилась шутка про цыгана.

И он снова задаёт Наталье вопрос, не знает ли она, куда делся Полянский, что с Телешонком, как ведёт себя непосредственное начальство? Меня, – пишет он, – всё это очень интересует.

И, несмотря на все эти проблемы, касающиеся лично его дел по своей работе и семейных проблем, он сообщает Наташе, что слышал по радио – озимые на Кубани вышли после зимовки плохие или совсем погибли, тоже в Крыму, наверное, и по всей Украине. А ведь озимые, беспокоится агроном, – это треть нашего зернового хозяйства».

В августе 1976 года, только возвратившись в Москву, он навестил Наталью, мать своего сына, пока тот находился в деревне. В письме сообщил сыну, что у мамы всё в порядке и ему не надо о ней беспокоиться. Мне особенно понравилось, как отец подписал письмо – твой отец и друг.

А когда Андрей находился на отдыхе у друзей в деревне (Шульгино Касимовского района Рязанской области), он посоветовал побыть подольше, чтобы дать отдохнуть без него его матери Наталье. При этом он замечает: «Если деревенская жизнь со всеми её прелестями и отрицательными моментами, связанными с

неустроенностью всей нашей жизни, особенно на селе (не надоела)». Как же он переживал о своей стране, как желал перемен к лучшему.

Как видим, его доброты и сердечности хватало на всех, просто диву даёшься.

Александр Иванович, конечно же, нашёл возможность отвезти в Москву на операцию Раису Ивановну. С Марией Ивановной оставил племянницу (из Москвы) Наташу и медицинскую сестру из психоневрологического диспансера, где Мария Ивановна много лет состояла на учёте.

Только 16 сентября 1977 года, после успешного лечения, Раису Ивановну брат отвёз домой в Краснодар, но 20-го этого же месяца умерла Мария Ивановна, доставлявшая семье столько проблем. И ему пришлось срочно 21-го возвращаться в Краснодар на похороны. После похорон, 2 октября, Александр Иванович улетел к брату Виктору в Киев.

К сожалению, через два года после смерти Марии Ивановны, ушла и жизни и Раиса Ивановна.

Поскольку сын с отцом встречались только по звонку, по приглашению Александра Ивановича, то мне показалась интересной даже записка, в которой отец пишет: «Дорогой Андрей! Хотелось бы встретиться с тобой в день твоего рождения (двадцатилетия). Буду звонить, чтобы уточнить час и место. Передаю через маму небольшую сумму денег, на которые хотелось бы, чтоб ты купил себе какую-либо полезную вещь. С приветом. А.». 28.11, без указания года. Видимо, написана она в марте 1977, когда сыну исполнилось двадцать лет. Андрей же не запомнил эту встречу, он вспоминал о встрече с отцом в одном из кафе, когда ему исполнился 21 год.

В 1977 году 7-го августа Александр Иванович пишет сыну Андрею, что только недавно возвратился домой из Грузии и Краснодара, устал, ещё не пришёл в себя от поездки (видимо он имел в виду предпринятое братьями путешествие на родину в Саратов, в Энгельс). И потому ещё не приступил к завершению работы по проектированию строительства очередного животноводческого комплекса на 1200 коров в Вологодской области.

Так письма помогли нам установить, что его деятельность не прекращалась ещё долгие годы после официального выхода на пенсию.

Мы не знаем, когда точно Александр Иванович прекратил трудовую деятельность. Знаем лишь, что в 1981 году он уже один, без Виктора, приезжал на свою малую родину, возможно, хотел дописать воспоминания и рассказать о своих впечатлениях. Не случилось. Его не стало в 1983 году.

Ида Григорьевна настолько тяжело пережила смерть любимого супруга, что не смогла больше жить в их московской квартире и на даче, продав недвижимость, она переехала к своим родственникам. И Андрей потерял с ней связь, о чём сожалеет до сих пор.

Сведений о ней установить уже не представилось возможным, так как к этому времени не осталось в живых ни братьев, ни сестёр Александра Ивановича Куховаренко.

Такова история в трех очерках, а если хотите, и родословная, семьи нашего замечательного покровчанина Ивана Варфоломеевича Куховаренко. Надеюсь, Александр Геннадьевич Камаев не пройдет мимо этой уникальной личности, и воплотит его в камне на века.

Е. М. Ерина